

Естественно встает вопрос о сопоставлении предреформационных, пред-ренессансных и реформационно-гуманистических тенденций в русской культуре и литературе с аналогичными тенденциями в литературах других славянских народов. В этом плане русско-славянские связи уже рассматривались в советском литературоведении. Характеризуя так называемое «второе южнославянское влияние в России», Д. С. Лихачев видит в нем отражение на русской почве «восточноевропейского Предвозрождения», понимая под этим термином такие общественные и культурные явления, как «Палеологовский ренессанс» в искусстве, исихазм и противостоящее ему движение варлаамитов и т. д. Однако, как отмечает Д. С. Лихачев, «восточноевропейское Предвозрождение» — это еще никак не «Возрождение», подобное тому, какое знала Италия в XIV—XV вв., а другие страны Европы — в XV—XVI вв. Это движение «еще не противостоит средневековью. Религиозное начало не оттесняется на второй план, как это было в западноевропейском Возрождении. Напротив, оно развивается в пределах религиозной мысли и религиозной культуры».¹⁴

Если «второе южнославянское влияние» позволяет связывать русскую культуру конца XIV—начала XV в. с восточноевропейским Предвозрождением, то русско-чешские и русско-польские связи дают основание поставить вопрос об отношении русской литературы к литературам, непосредственно отражавшим веяния Возрождения и Реформации.

При этом нам необходимо, конечно, учитывать, что и Чехия, и Польша не достигли Ренессанса и Реформации в их вполне зрелом и законченном виде. Разложение феодального строя в обеих западнославянских странах не зашло в XV—XVI вв. так далеко, как в наиболее развитых странах Западной Европы. Чехия раньше других европейских государств пережила широкое религиозное движение, направленное против феодально-католической системы, но это движение было все же скорее Предреформацией, чем Реформацией. В Польше Реформация, начавшись в XVI в., не имела в отличие от североевропейских стран полного успеха. Гуманистические движения в Чехии и Польше также не достигли такого развития, как в Италии, Германии, Франции и Англии. Тем интереснее, однако, сопоставление западнославянских стран с Россией, которая находилась еще дальше от центров реформационно-гуманистических движений Западной Европы и по своему социально-экономическому развитию сильно отставала от наиболее передовых европейских стран. Такое сопоставление позволит установить и элементы сходства в путях развития русской и западнославянских литератур XV—XVI вв., и присущие им различия.

I

Развитие культурных связей между Россией и западнославянскими странами в XV в. во многом зависело от международно-политических отношений. В первой половине века важнейшим связующим звеном между русскими княжествами, с одной стороны, и Польшей и Чехией — с другой, был великий князь Литовский Витовт, формально считавшийся вассалом своего двоюродного брата польского короля Ягайло, но фактически ведший вполне самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. После начала гуситских войн в Чехии и разрыва чехов с германским императором Витовт согласился принять чешскую корону и послал в Прагу своего наместника Сигизмунда Корибутовича. Через Литовское государство завя-

¹⁴ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. (IV Международный съезд славистов. Доклады). М., 1958, стр. 40—52.